

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Сафин Тимур Альфредович

Элиты эпохи Шан: хоу и бо

(по данным эпиграфики XIII—XI вв. до н.э.)

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

- Научные руководители** – *Дмитриев Сергей Викторович, кандидат исторических наук*
Томашевич Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
- Официальные оппоненты** – *Кучера Станислав Роберт, доктор исторических наук, профессор, ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук» (ИВ РАН), главный научный сотрудник-консультант Отдела Китая*
Деоник Дега Витальевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Институт стран Азии и Африки, профессор по кафедре истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии
Терехов Антон Эдуардович, кандидат исторических наук, ФГБУН «Институт восточных рукописей Российской академии наук» (ИВР РАН), научный сотрудник Отдела Дальнего Востока

Защита диссертации состоится «___» _____ 20__ г. в ___ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/155830680/>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
 диссертационного совета,
 кандидат исторических наук

Е.В. Романова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Государство Шан-Инь (ок. XVI—XI вв. до н.э.) – древнейшее государство Восточной Азии, которое мы можем изучать на основе синхронных письменных (эпиграфических) памятников, наиболее ранние из которых датируются приблизительно серединой XIII в. до н.э. Многие явления, определившие ход истории региона, впервые фиксируются именно в текстах этого времени, поэтому реконструкция политической структуры Шан необходима для понимания процессов политогенеза в регионе и в мире в целом. Одной из не до конца решенных проблем шанской (и шире – древнекитайской) истории является происхождение и статус некоторых категорий элит II—I тыс. до н.э., в частности *хоу* (侯) и *бо* (伯). Особенно актуальна эта тема по двум причинам: во-первых, в связи с общим прогрессом в понимании Шан-Иньских эпиграфических памятников, а во-вторых, в связи с активной разработкой теории раннего государства, формированием представлений о многолинейной эволюции, различных путях развития древних обществ в современной зарубежной и отечественной историографии начиная с середины XX в.¹

Степень научной разработанности темы.

Вопросы политического устройства государства Шан-Инь и статуса различных категорий элит в нем начали активно разрабатываться с начала XX века. На первом этапе (1-я пол. XX в.) были идентифицированы иероглифы, связанные с социально-политическим устройством, в том числе титулы *хоу* и *бо*, а также осуществлено первичное прочтение связанных с ними текстов. В этот период *хоу* и *бо* еще не отделялись исследователями от одноименных терминов I тыс. до н.э. Так, Дун Цзобинь обобщил имевшиеся на тот момент данные (1936 г.), но из теоретических выводов ограничился лишь констатацией того, что существовавшая, якобы, уже в период Шан система «пяти рангов знатности»

¹ См.: Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000; Раннее государство, его альтернативы и аналоги (сб. ст.) / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006.

(известная по некоторым источникам I тыс. до н.э.) на самом деле включала лишь четыре титула: *хоу*, *бо*, *цзы* (子) и *нань* (男), при том, что иероглиф *цзы* в части контекстов имеет иные значения (например, «сын царя»)² Ху Хоусюань в написанном в 1944 г. «Исследовании феодальной системы в период Инь»³ пошел дальше, утверждая, что в Шан существовала частная собственность на землю и развитая система земельных пожалований, а шанский царь (ван), якобы, даровал земли своим родичам и приближенным.⁴ Ему казалось очевидным и не требующим доказательств, что земли под контролем *хоу*, *бо*, а также членов царской семьи были именно пожалованы царем.

С середины XX века выделяется «архаизаторское» направление в историографии, которое подчеркивает отличия Шан от государств I тыс. до н.э., или же вовсе постулирует его догосударственный характер. Уже Ху Хоусюань допускал возможность того, что часть территорий под властью *хоу* и *бо* изначально могла находиться в «племенной» собственности, и становилась частной лишь через акт формального признания права собственности со стороны царя.⁵ А в 1956 году Чэнь Мэнцзя, опираясь на сведения о противостоянии шанского вана и *бо* и о принесении в жертву нескольких *бо*, уже прямо утверждал, что в рассматриваемый период указанные группы элит еще не были держателями царских пожалований, но лишь признавали над собой власть вана.⁶ По-настоящему решительной попыткой пересмотреть представления об

² Дун, Цзобинь 董作賓. У дэн цзюэ цзай Инь-Шан 五等爵在殷商 (Пять рангов знатности в Инь-Шан) // Цзягу вэньсянь цзичэн 甲骨文獻集成 (Полное собрание трудов по надписям на гадательных костях): в 40 т. / Гл. Ред. Сун, Чжэньхао 宋鎮豪, Дуань, Чжихун 段志洪. Чэнду: Сычуань дасюэ чубаньшэ, 2001. Т. 24. С. 196–200.

³ Ху, Хоусюань 胡厚宣. Иньдай фэнцзянь чжиду као 殷代封建制度考 (Исследование феодальной системы в период Инь) // Цзягусюэ Шан ши луныцун чуцзи 甲骨學商史論叢初集 (Начальное собрание трудов по изучению надписей на гадательных костях и истории Шан) / Ху Хоусюань 胡厚宣. Шицзячжуан: Хэбэй цзяюй чубаньшэ, 2002. С. 31–112.

⁴ Там же, с. 104–106.

⁵ Там же, с. 105.

⁶ Чэнь Мэнцзя 陳夢家. Иньсюй буцы цзуншу 殷墟卜辭綜述 (Очерк гадательных надписей из Иньсюй). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1988. С. 332.

общественном устройстве государства Шан-Инь стала статья Юй Шэньбу,⁷ в которой он заявил о том, что политическая структура Шан представляла собой племенной союз.⁸ Позднее эта мысль была поддержана и развита Линь Юнем в статье 1980 года.⁹ В России мысль о том, что шанские *хоу* и *бо* являлись вождями периферийных политий¹⁰ догосударственного характера, которые в лучшем случае лишь признавали над собой власть вана, развивал М.В. Крюков.¹¹ Несмотря на то, что представления о Шан как о «племенном союзе» не получили магистрального признания, тезис о том, что часть шанских элит составляли не держатели царских земельных пожалований, а представители местных династий, можно считать общепринятым. Несомненно, такими правителями являлись некоторые *бо*.¹²

Часть исследователей этого направления также приписывает иньским *хоу* и *бо* роль глав коллективов, организованных по принципу родства (обычно, кланов или линиджей), но видит процесс сложения шанской этнической общности с

⁷ Юй Шэньбу 于省吾. Цун цзягувэнь кань шандай шэхуй синчжи 從甲骨文看商代社會性質 (Характеристика общества эпохи Шан в свете надписей на гадательных костях) // Дунбэй жэньминь дасюэ жэньвэнь кэсюэ сюэбао 東北人民大學人文科學學報. Чанчунь, 1957. № 2–3. С. 97–136.

⁸ Там же, с. 119–124.

⁹ Линь Юнь 林澐. Цзягувэнь чжун дэ шандай фанго лянмэн 甲骨文中的商代方國聯盟 (Союз политий эпохи Шан в надписях на гадательных костях) // Линь Юнь сюэшу вэньцзи 林澐學術文集 (собрание научных работ Линь Юня) / Линь юнь 林澐. Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1998. С. 69–84.

¹⁰ Под «политией» я понимаю потестарное или политическое объединение, включая государство, раннее государство и негосударственное образование (например, вождество).

¹¹ Крюков М.В. Род и государство в иньском Китае // Вестник древней истории. М, 1961. № 2. С. 3–22.

¹² Из последних работ по этой теме см.: Шандай ши 商代史 (История Шан): в 11 т. Т. 4. Шандай гоцзя юй шэхуй 商代國家與社會 (Общество и государство Шан) / Ван, Юйсинь 王宇信, Сюй, Ихуа 徐義華, под общ. ред. Сун Чжэньхао 宋鎮豪. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2011. С. 537; Чжу Фэнхань 朱鳳瀚. Иньской буцы чжун «хоу» дэ шэньфэнь бучжэн; цзянь лунь «хоу», «бо» чжи и-тун 殷墟卜辭中«侯»的身份補證—兼論«侯»、«伯»之異同 (Дополнительные доказательства к вопросу о статусе «хоу» в гадательных надписях из Иньсюя, а также комментарии по вопросу о сходствах и отличиях между «хоу» и «бо») // Гу вэньцзы юй гудай ши 古文字與古代史 (Древние письмены и древняя история) / Гл. ред. Ли Цзункунь 李宗焜. Тайбэй, 2015. №. 4. С. 19; Ван Куньпэн 王坤鵬. Шо шандай цзягу кэцы чжун дэ «фанбо» 說商代甲骨刻辭中的«方伯» (О «фан бо» в надписях, вырезанных на гадательных костях эпохи Шан) // Иньду сюэкань 殷都學刊. Аньян, 2018. № 2. С. 6–11.

обратной стороны: не как вовлечение периферийных политий в сферу влияния Шан, но как постепенное разрастание общности. Чжан Гуанчжи представляет Шан в виде сети поселений, основанных по приказу царя, население которых организовывалось в линиджи; главы таких поселений могли получать от вана титулы, в том числе *хоу* и *бо*.¹³ На эти построения опирается Л.С. Васильев, для которого административная организация Шан видится результатом «почкования» этнического ядра шанцев, выделения субкланов.¹⁴ Схожие мысли находим у Чжао Линя.¹⁵

Несмотря на развитие с середины XX века концепций, подразумевающих отсутствие в Шан системы земельных пожалований, или же ее существование в нестандартной форме, традиционные воззрения продолжали и продолжают влиять на историографию. О существовании в Шан развитой системы пожалований при полном разложении родоплеменной организации говорит Л.И. Думан;¹⁶ в вышедшей относительно недавно монографии Ли Сюэшаня также проводится концепция господства в Шан «феодалных» отношений.¹⁷ Но на протяжении долгого времени прямых свидетельств существования в Шан земельных пожалований не было, а попытки их обнаружить основывались на косвенных данных, единичных надписях (трактовка которых, как правило, вызывала сомнения) и ошибочных интерпретациях отдельных терминов, что и позволило развиваться альтернативным концепциям. Лишь по материалам раскопок 70-х гг. к югу от дер. Сяотунь оказалось возможным реконструировать серию надписей о получении титула *хоу* местности Гань*¹⁸ человеком по имени Шан.¹⁹ Но

¹³ *Chang, Kwang-Chih. Shang civilization. New Haven: Yale University Press, 1980. P. 158–165.*

¹⁴ См.: *Васильев, Л.С. Феодалный клан в древнем Китае // Социальные организации в Китае / Под ред. Л.С. Васильева. М.: Наука, 1981. С. 160–161; Васильев, Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. С. 102; Васильев, Л.С. Древний Китай. Т.1: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). М., 1995. С. 170–175.*

¹⁵ *Chao, Lin. The Socio-Political Systems of the Shang Dynasty. Taipei, 1982. P. 115.*

¹⁶ *Думан, Л.И. Пожалование земельных владений в Древнем Китае (эпоха Инь, XIV-XI вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. М.: Наука, 1981. С. 3–21.*

¹⁷ *Ли, Сюэшань 李雪山. Шандай фэньфэн чжиду яньцзю 商代分封制度研究 (Исследование системы земельных пожалований в эпоху Шан). Пекин, 2004.*

¹⁸ Иероглиф не дешифрован, транскрипция условна.

практически одновременно с этим был поднят вопрос о полномочиях хоу на подвластной территории, в связи с обнаружением сведений о возможном наличии в уделах хоу царских «чиновников».²⁰

Автор этих открытий, Цю Сигуй, считает, что полномочия хоу были ограничены,²¹ такого же мнения придерживается Тан Сяофэн.²² Однако некоторые исследователи идут дальше, утверждая, что статус хоу в период Шан соответствует, скорее, положению чиновника высокого ранга, нежели «владельца князя».²³ В последнее время утверждается даже, что хоу правили не единолично, но лишь в составе коллектива чиновников.²⁴ В таком случае, серию надписей о хоу по имени Шан можно трактовать в русле назначения, а не

¹⁹ См.: Цю, Сигуй 裘錫圭. Шо Иньсюй буцы дэ «дянь» – ши лунь Шанжэнь чучжи фушучжэ дэ ичжун фанфа 說殷墟卜辭的«奠»——試論商人處置服屬者的一種方法 (О иероглифе «ставить» в гадательных надписях из Иньсюя: попытка описания одного способа обращения шанцев с покорёнными народами) // Цю Сигуй сюэшу луньцзи 裘錫圭學術文集 (Собрание научных работ Цю Сигуя): в 5 т. / Цю Сигуй 裘錫圭. Шанхай, 2012. Т. 5. С. 177

²⁰ Цю, Сигуй 裘錫圭. Цзягу буцы чжун со цзянь де «тянь», «му», «вэй» дэн чжигуань дэ яньцзю; цзяньлунь «хоу», «дянь», «нань», «вэй» дэн цзи чжун чжухоу дэ циюань 甲骨卜辭中所見的«田»、«牧»、«衛»等職官的研究—兼論«侯»、«甸»、«男»、«衛»等幾種諸侯的起源 (Исследование должностей, встречающихся в гадательных надписях на костях: «тянь», «му», «вэй» и пр., а также комментарии по вопросу о происхождении некоторых титулов чжухоу: «хоу», «дянь», «нань», «вэй» и пр.) // Цю Сигуй сюэшу вэньцзи 裘錫圭學術文集 (Собрание научных работ Цю Сигуя): в 5 т. / Цю Сигуй 裘錫圭. Шанхай, 2012. Т. 5. С. 164–165.

²¹ Там же.

²² Тан, Сяофэн 唐晓峰. Шандай вайфу юй «дифан» цюаньли 商代外服与«地方»权力 (Право владения землей во внешнем поясе владений в государстве Шан) // Цзянхань луньтай 江汉论坛. Ухань, 2006. № 1. С. 79–81.

²³ Ван, Гуйминь 王貴民. Шан чао гуаньчжи цзи ци лиши тэдянь 商朝官職及其歷史特點 (Чиновничество династии Шан и его историческое своеобразие) // Лиши яньцзю 歷史研究, 1986. № 4. С. 107–119; Чжу, Фэнхань 朱鳳瀚. Иньсюй буцы чжун «хоу» дэ шэньфэнь бучжэн; цзяньлунь «хоу», «бо» чжи итун 殷墟卜辭中«侯»的身份補證—兼論«侯»、«伯»之異同 (Дополнительные доказательства к вопросу о статусе «хоу» в гадательных надписях из Иньсюя, а также комментарии по вопросу о сходствах и отличиях между «хоу» и «бо») // Гу вэньцзы юй гудай ши 古文字與古代史 (Древние письмены и древняя история) / Гл. ред. Ли Цзункунь 李宗焜. Тайбэй, 2015. № 4. С. 1–36.

²⁴ Вэй, Синьин 韦心滢. Иньдай Шанван го чжэнчжи дили цзегоу яньцзю 殷代商王國政治地理研究 (Исследование системы территориального управления в государстве шанского вана, эпоха Инь). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013. С. 296–302.

пожалования. А политическое объединение Шан предстает в виде зрелого государства с сильной центральной властью и развитым бюрократическим аппаратом.

Зияющий разброс мнений по вопросам политической организации Шан, представленный выше, демонстрирует, насколько широко можно трактовать имеющиеся источники. Некачественные эстампажи и прорисовки, фрагментация надписей, обилие недешифрованных знаков и постоянно растущий корпус работ усугубляют проблему, но главным упущением имеющейся историографии, несомненно, остается очень выборочное привлечение источников и их тенденциозное толкование, включая домысливание отсутствующих данных. К сожалению, вольное обращение с источниками присуще отнюдь не отдельным ученым, но носит системный характер; аналогичные недостатки наверняка могут иметься и на страницах настоящей диссертации. Учитывая крайнюю неустойчивость фактологической базы, на которой мы вынуждены основывать исторические исследования, наиболее актуальным на данный момент остается источниковедческое направление работы: отделение надежных данных от спекуляций, слабо или никак не основанных на источниках.

Тем не менее, спектр основных гипотез по вопросу о природе и источниках власти шанских *хоу* и *бо* уже определен, и вряд ли изменится в обозримом будущем, а именно:

- 1) *Хоу* и *бо* могут являться держателями царских земельных пожалований.
- 2) *Хоу* и *бо* могут являться правителями политических или потестарных образований на периферии Шан.
- 3) *Хоу* и *бо* могут являться царскими «чиновниками».

Также считается доказанным, что *хоу* и *бо* – разные титулы и обозначают две группы элит различного происхождения, причем титул *бо* ассоциирован с политическими или потестарными образованиями на периферии Шан, а *хоу* – со «служилой» знатью, но насколько эти закономерности универсальны – неизвестно.

Цель исследования заключается в том, чтобы опираясь на данные эпиграфических источников дать качественную характеристику титулам *хоу* и *бо* в государстве Шан-Инь XIII—XI вв. до н.э., определить их происхождение, сходства и отличия, прояснить связь с одноименными титулами более позднего времени. Для этого необходимо **решить следующие задачи:**

- провести контекстный анализ данных о *хоу* и *бо*, сопоставить количественные и качественные показатели
- прояснить структуру имен *хоу* и *бо*, а также сущность входящих в них имен собственных
- сравнить традиции титулования *хоу* и *бо*
- определить, насколько обоснован тезис о существовании в государстве Шан земельных пожалований.

Научная новизна исследования заключается в том, что проведен комплексный источниковедческий анализ и систематизация максимально возможной совокупности данных о *хоу* и *бо*, включая сведения о связанных именах собственных: личных именах и топонимах. Несмотря на наличие большого количества теоретических наработок о статусе *хоу* и *бо*, все они строятся на выборочном, часто ошибочном анализе данных письменных источников. Проведенный мной комплексный анализ позволил выявить ряд слабо обоснованных и просто неверных представлений. Применен кажущийся достаточно многообещающим подход к интерпретации имен собственных в иньских эпиграфических памятниках; получены количественные показатели, характеризующие использование имен собственных; показано, что факты совпадения имен людей и топонимов не формируют четких тенденций и должны объясняться (хотя бы отчасти) особенностями языка и письменности, а не особенностями социальной структуры. Переосмыслены данные об участии *хоу* и *бо* в ритуальном дарообмене. Обосновано наличие в государстве Шан-Инь

системы земельных пожалований. Таким образом, работа восполняет пробел в отечественной и зарубежной историографии в отношении заявленной проблематики, предлагает оригинальные способы решения дискуссионных проблем.

Объектом исследования является совокупность шанских эпиграфических текстов, в которых упоминаются *хоу* и *бо*, любые упоминания об их деятельности, а также их имена и названия подвластных территорий. Помимо прямых указаний на участие некоего *хоу* или *бо* в каком-либо событии шанской истории, важную информацию предоставляют упоминания (в различных контекстах) связанных имен собственных. **Предметом исследования** выступают взаимоотношения *хоу* и *бо* с шанским ваном, источники власти *хоу* и *бо*, а также спектр их полномочий, генезис системы земельных пожалований в древнем Китае.

Хронологические рамки исследования определяются наличием эпиграфических источников. Весь массив шанских письменных памятников (за исключением, возможно, некоторых единичных находок, чьи датировки сомнительны) датируется периодом примерно с сер. XIII по сер. XI вв. до н.э.

Географические рамки исследования. Подавляющее большинство эпиграфических памятников XIII–XI вв. до н.э. происходят из раскопок дворцово-храмового комплекса шанской столицы, руины которой располагаются в районе совр. г. Аньян (на севере пров. Хэнань, КНР). Содержание этих памятников охватывает непосредственно подвластную шанским ванам территорию, а также сферу их влияния и внешних контактов. Поскольку границы государства Шан-Инь неизвестны, более того – границ в современном понимании этого слова не существовало, а политическое объединение Шан было довольно аморфным и непрочным, можно очертить лишь приблизительные географические рамки: район на стыках совр. провинций Хэнань, Хэбэй, Хубэй, Шаньси, Шэньси, Шаньдун и

прилегающие территории.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее положения могут быть использованы при исследованиях политогенеза и функционирования раннегосударственных обществ в регионе Восточная Азия и во всемирном масштабе.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные в ходе исследования выводы, во-первых, позволяют на шаг продвинуться в дешифровке части древнекитайских письменных памятников XIII–XI вв. до н.э.; во-вторых, могут быть использованы при создании общих и специальных курсов по истории Китая и истории древнего мира.

Источниковая база исследования. Источники по истории Шан можно разделить на три категории: 1) традиционные нарративные памятники 2) археологические источники 3) эпиграфические источники.

Сфера употребления письменности в Шан была еще очень ограниченной,²⁵ шанская литература если и существовала, то утрачена. Поэтому традиционные нарративные памятники («Записи историографа»²⁶, «Бамбуковые анналы»²⁷, «Шу цзин»²⁸, «Ши цзин»²⁹ и проч.) содержат лишь очень скупой, не всегда надежный, и

²⁵ См.: *Smith, A.* The evidence for scribal training at Anyang // *Writing and Literacy in Early China: Studies from the Columbia Early China Seminar* / Ed. by Li Feng and D. Branner. Seattle, 2011. P. 173–205.

²⁶ См., прежде всего: Инь бэнь цзи – основные записи [о деяниях дома] Инь // *Сыма, Цянь.* Исторические записки. (Ши Цзи) Т. 1. / пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. (2-е изд.) М., 2001. С. 166–178; на китайском языке см.: *Сыма, Цянь 司馬遷.* Ши цзи сань цзя чжу *史記三家注* («Записи историографа» с комментариями трёх учёных). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1959. Т. 1. С. 91–110.

²⁷ Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика, А.И. Таркиной. М., 2005.

²⁸ Мао ши чжэн и *毛詩正義* (Истинный смысл [«Канона»] стихов» [в версии] господина Мао) // *Шисань цзин чжу шу 十三經註疏* (Комментированное тринадцатиканоние). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1997. Т. 1. С. 259–630. Поэтический перевод этого памятника на русский язык см.: Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина. М., 1987.

²⁹ Шан шу чжэн-и *尚書正義* (Истинный смысл «Чтимых писаний») // *Шисань цзин чжу-шу 十三*

хронологически весьма оторванный от Шан набор сведений по его истории. Их данные помогают очертить общую канву истории Шан, но по вопросам социально-политического устройства демонстрируют лишь субъективные представления авторов, слабо связанные с реальностью. Так, по представлениям Сыма Цяня, Китай издревле был единым государством во главе с «императором», который наделял выдающихся людей землями и титулами в вечное владение, причем держателем царского пожалования был, по его мнению, и основатель дома Шан по имени Се.³⁰ В это трудно поверить: времена легендарного «императора Шуня», из рук которого Се якобы получил свой удел, согласно традиционным воззрениям должны приходиться на III тысячелетие до н.э., когда в регионе еще продолжался период неолита.

Данные археологии также имеют второстепенное значение для рассматриваемой темы, поскольку лишь крайне малое количество находок можно непосредственно связать с *хоу* и *бо* периода Шан. Известно немало городищ и элитных погребений этого времени, но какие из них связаны именно с указанными категориями элит – неизвестно.³¹

Эпиграфические памятники, несомненно, являются основными источниками при изучении социально-политической структуры позднего Шан, сравнительно надежно датированные тексты относятся к XIII—XI вв. до н.э. Категории иньской эпиграфики включают надписи на нефрите, бронзе, керамике, но больше всего – на костях различных животных (в т.ч. человека), черепаших панцирях и пластронах. Мне неизвестны надписи на керамике, которые можно было бы связать с *хоу* или *бо*; соответствующие надписи на нефрите и бронзе

經註疏 (Комментированное тринадцатиканоние). Шанхай: Шанхай гу-цзи чубаньшэ, 1997. Т. 1. С. 109–258.

³⁰ Сыма, Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. С. 166; Сыма, Цянь 司馬遷. Ши цзи сань-цзя чжу 史記三家注 («Записи историографа» с комментариями трёх учёных). Т. 1. С. 91.

³¹ См.: Кучера, С.Р. Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977; Thorp, R.L. China in the Early Bronze Age: Shang Civilization. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006; История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. / Отв. ред. А.П. Деревянко. М., 2016.

малочисленны, но привлекаются по мере необходимости; наиболее же массовый и информативный источник – надписи, которые фиксируют процесс гадания по костям животных и пластронам черепах (т.н. «надписи на гадательных костях», «гадательные надписи», «цзягувэнь»). Они дошли до нас в сильно поврежденном виде, лишь абсолютное меньшинство артефактов представляет собой относительно цельную кость или пластрон, превалируют же фрагменты и обломки различной величины. По недавним подсчетам, количество известных фрагментов гадательных костей составляет около 130 000,³² при этом сколько утрачено безвозвратно, и сколько ещё предстоит найти — неизвестно. Артефакты хранятся в музейных и частных собраниях по всему миру, к настоящему моменту опубликовано (в виде фотографий, эстампажей и прорисовок) около половины имеющегося массива данных. Наиболее полным пока что собранием гадательных надписей является свод «Цзягувэнь хэцзи»,³³ куда входит почти 42000 эстампажей и прорисовок фрагментов гадательных костей. Этот сборник содержит большую часть использованных в работе надписей.

Большинство известных гадательных надписей являются царскими, что определяет спектр гадательных сюжетов: это вопросы, волновавшие вана и его приближенных, к числу которых относятся ритуалы, войны, охоты, поездки в подвластные земли, семейные и личные дела, здоровье, урожай и т.п. В целом, спектр интересов правителя довольно широк, и позволяет исследователю заглянуть в разнообразные сферы жизни иньцев. С другой стороны, краткость надписей зачастую не позволяет нам описать конкретное явление более, нежели в самых общих чертах, а подавляющее большинство текстов посвящено все же жертвоприношениям. По моим подсчетам, *хоу* и *бо*, а также связанные с ними имена собственные, упоминаются не более чем в нескольких тысячах надписей,

³² Сунь, Ябин 孫亞冰. Бай нянь лай цзягувэнь цайляо тунцзи 百年來甲骨文材料統計 (Статистика по материалам надписей на гадательных костях за 100 лет) // Гугун боугуань гуанькань 故宮博物館館刊. Пекин, 2006. № 1. С. 24–47.

³³ Цзягувэнь хэцзи 甲骨文合集 (Свод надписей на гадательных костях). В 13 т. / Гл. ред. Го Можо 郭沫若. Пекин: чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1978—1982.

значительная часть которых повреждена или малоинформативна. Не-царские гадательные надписи,³⁴ а также надписи, найденные за пределами Иньсюя,³⁵ сравнительно малочисленны (едва ли более 1% от общего числа памятников), и редко содержат информацию по рассматриваемой теме, хотя их я также использую.

Поскольку тексты фиксируют содержание гаданий, большая их часть содержит информацию не о тех событиях, которые реально произошли, но лишь о тех, которые *могли* произойти. Но это мало снижает ценность гадательных надписей как исторического источника, поскольку если гадатель предполагал, что некое событие *могло* произойти в потенции, значит, данное историческое явление было реальностью (по крайней мере это справедливо для повторяющихся, тематических гаданий). Более того, даже если мы знаем, что какое-то событие действительно произошло, датировать надпись можно лишь относительно, со значительной погрешностью (в несколько десятилетий). Приходится ограничиваться констатацией того, что некое событие когда-то имело место: его связь с другими событиями проследить почти невозможно.

Поскольку надписи на гадательных костях – весьма специфический и очень трудный в интерпретации источник, подробные сведения о них представлены отдельно в первой главе.

Методология и методы исследования. В основу настоящего исследования положены, во-первых, общие для гуманитарных и некоторых иных наук принципы:

- 1) Принцип историзма (рассмотрение явлений в процессе развития)

³⁴ Крупнейший из найденных пока архивов принадлежал, вероятно, родственнику царя, см.: Иньсюй Хуаюаньчжуан дунди цзягу 殷墟花園莊東地甲骨 (Гадательные кости из Иньсюя, [найденные] к востоку от Хуаюаньчжуан): в 6 т. / Под ред. Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо 中國社會科學院考古研究所 (Китайская академия общественных наук, отдел археологии). Куньмин, 2003.

³⁵ Крупнейшая пока что находка за пределами иньской столицы: Чжоуюань цзягувэнь 周原甲骨文 (Надписи на гадательных костях из Чжоуюань) / Ред. Цао Вэй 曹瑋. Пекин, 2002.

позволяет связать шанские политические структуры с аналогичными явлениями истории Западного Чжоу (ок. 1046–771 гг. до н.э.). Необходимо подчеркнуть, что Шан и Чжоу – не два «этапа» истории Китая, а две параллельно существовавших на протяжении значительного времени древних политии, которые в различное время доминировали в регионе. При их сопоставлении необходимо учитывать и культурные различия, и факт длительного сосуществования и взаимодействия. То, что история Шан наиболее подробно известна по источникам XIII—XI вв. до н.э., в то время как история Чжоу известна, преимущественно, с XI в. до н.э., лишь затрудняет изучение их взаимодействия.

Отдельно стоит отметить тот факт, что внутри позднего периода Шан (XIII—XI вв. до н.э.) распределение эпиграфических данных неравномерно: подавляющее большинство сведений о *хоу* и *бо* относится ко 2-й пол. XIII – нач. XII вв. до н.э. Учитывая общую фрагментарность сведений и случайный характер упоминания большинства фактов, динамический анализ в рамках периода пока представляется почти неосуществимым, поскольку не всегда невозможно отличить развитие исторических явлений от изменения качества отражающих их источников (исключения оговариваются отдельно). Поэтому я вынужден рассматривать указанный хронологический отрезок XIII—XI вв. в качестве единого периода.

2) Принцип объективности (отсутствие ярко выраженных предпочтений в привлечении одних и умолчании иных фактов с целью обоснования заранее сформулированной концепции) выражается, в первую очередь, в том, что при сопоставительном исследовании *хоу* и *бо* привлекалось максимально возможное количество данных, а сами данные анализировались по единым критериям. Поскольку общее количество упоминаний *хоу* и *бо* (а также связанных с ними имен собственных) довольно ограничено, то при анализе оказалось возможным использовать подавляющее большинство опубликованных источников, что до определенной степени нивелирует значение фактора субъективной предвзятости при их отборе. При подсчете количественных показателей использовались единые

критерии оценки.

3) Принцип системности (исследование объекта как системы) выражается в том, что *хоу* и *бо* рассматриваются не изолированно, а как группы элит в общей системе властных отношений в государстве Шан-Инь.

4) Принцип анализа фактов и событий в системе присущих им внутренних связей, логической и хронологической последовательности в соответствующем конкретно-историческом контексте наиболее ярко выражается в том, что при исследовании имен собственных и рассмотрении вопроса о наличии среди них этнонимов я рассматриваю объективные тенденции распределения значений для объективно же выделяемых (на основе структуры имени) групп имен собственных. При этом используется как метод контекстного анализа, так и количественные методы исследования; но необходимо отметить, что использование количественных методов к указанной категории источников возможно лишь в очень ограниченном объеме по ряду причин, а именно: малый объем данных, значительная степень повреждения, и прочие трудности интерпретации многих источников, неизвестные принципы упоминания одних и умалчивания других событий в текстах и т.д. Почти все указанные в работе числовые показатели содержат высокую и при этом не поддающуюся подсчету степень погрешности, степень их достоверности относительна.

При изучении властных отношений в эпоху Шан-Инь я опирался на постулаты неозволюционизма о многолинейности и альтернативности социальной эволюции,³⁶ на тезис о том, что древность и средневековье по многим социально-экономическим показателям можно отнести к единому периоду человеческой истории,³⁷ а значит в политической структуре государства Шан гипотетически могут встречаться любые характерные для доиндустриальных обществ явления, а

³⁶ The Early State / Ed. by H.J.M. Classen, P. Skalnik. New York, 1978. P. 639–645; Раннее государство, его альтернативы и аналоги (сб. ст.) / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 9.

³⁷ *Илюшечкин, В.П.* К вопросу о формационной характеристике древнего и средневекового общества в Китае // Общество и государство в Китае: VII научная конференция. М., 1976. Ч. 1. С. 33–44; *Илюшечкин, В.П.* Общее и особенное в развитии добуржуазного классового общества // Общество и государство в Китае: VIII научная конференция. М., 1977. Ч. 1. С. 3–30.

также уникальные и неповторимые черты. При анализе этнических структур и родственных групп, которые существовали в Шан, я опирался на тезис о том, что реальные этнические структуры могут не соответствовать имеющимся в арсенале современной антропологии определениям дискретных этнических обществ,³⁸ тем более, когда речь идет об этнических структурах и родственных группах древности: для их однозначной характеристики, как правило, просто не хватает данных.³⁹

Положения, выносимые на защиту:

1) Имена *хоу* и *бо* в надписях на гадательных костях обладают твердой структурой: перед титулом стоит название территории, после – имя *хоу* или *бо*.

2) Для реконструкции системы родства и определения в государстве Шан роли коллективов, объединенных узлами родства (кланов, линиджей и пр.), недостаточно данных. Как *хоу*, так и *бо* теоретически могут быть членами или главами таких коллективов, но по имеющимся источникам этого проследить не удается.

3) *Хоу* и *бо* близки по статусу и положению; и те и другие обладали собственной территорией и армией, а также достаточной степенью самостоятельности и мощи, чтобы вступать в конфликт с царями Шан. Тем не менее, статус, сила и самостоятельность *бо*, в целом, выше.

4) Термины *хоу* и *бо* отражают различные источники власти. *Бо* – не «титул» во властной иерархии Шан, а обозначение правителя периферийной политики (как союзного шанскому царю, так и враждебного ему), в то время как *хоу* могли являться держателями царских земельных пожалований. Насколько это разделение было строгим – неизвестно, но речь об устойчивой тенденции.

5) В период Шан-Инь существовал феномен, который можно назвать системой земельных пожалований. Среди держателей царских пожалований

³⁸ *Артемова, О.Ю.* Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009. С. 173–174.

³⁹ *Watsson, J.L.* Chinese Kinship Reconsidered: Anthropological Perspectives on Historical Research // *The China Quarterly*, 1982. No. 92. P. 593.

можно назвать, как минимум, некоторых *хоу*. Ваны, скорее всего, не передавали своим подчиненным землю как таковую, но делегировали право управления ею. При этом объем делегированной власти мог быть столь обширным, что *хоу* считались именно правителями данной территории, но суверенитет *хоу* мог быть ограничен в силу подчиненного положения по отношению к царям Шан.

Степень достоверности и обоснованности проведенного исследования подтверждается привлечением большого массива эпиграфических источников. Автором проанализирован и критически осмыслен значительный фактологический материал, содержащийся в первоисточниках, а также научная литература по теме диссертации, отражающая широкий спектр мнений различных авторов.

Апробация результатов. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на XLV, XLVI и XLVIII конференциях «Общество и государство в Китае» (соответственно, март 2015, март 2016 и апрель 2018), проводимых Отделом Китая Института Востоковедения РАН (Москва), а также в виде четырех статей в рецензируемых научных журналах объемом 4,8 а.л. (две из них опубликованы в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных Ученым советом МГУ для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03, еще две – в журналах, индексируемых в базе данных RSCI Web of Science).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также трех приложений, посвящённых рассмотрению частных проблем, имеющих определённое отношение к теме диссертации.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна темы исследования, указываются его объект и предмет, описываются источники и хронологические рамки работы, а также определяются её цели и задачи.

В первой главе диссертации, **«Надписи на гадательных костях как исторический источник»**, говорится о надписях на гадательных костях и методах работы с ними.

Параграф 1.1 «Гадательные надписи и гадательный процесс» посвящен иньской методике гадания по костям и пластронам. Постулируется тезис о том, что надписи – достоверный источник, но различные события отражены в нем не равномерно.

В параграфе 1.2 «Периодизация, классификация, нормы оформления цитирований» описываются методы датирования надписей, а также принятые в науке нормы цитирования источников.

В параграфе 1.3 «Имя собственное в иньской эпиграфике и методы работы с ним» я рассматриваю существующие критерии для определения топонимов, имен отдельных людей и названий коллективов людей («этнонимов»), которые встречаются в надписях на гадательных костях. Поскольку по внешнему виду иероглифа определить его природу невозможно, а одно и то же имя собственное может демонстрировать признаки как топонима, так и имени отдельного человека или названия коллектива людей, единственным способом различения всех категорий имен собственных является контекстный анализ. На примере надписей о получении урожая и о военных походах я демонстрирую, что в некоторых случаях топонимы и имена людей могут встречаться в одних и тех же конструкциях, поэтому не всегда мы можем отличить одно от другого, и спектр значений отдельного имени собственного никогда не может быть установлен со 100% точностью.

В параграфе 1.4 «Критерии выделения этнонимов» я подробнее останавливаюсь на вопросе о том, можно ли выделить названия коллективов людей в иньской эпиграфике. Единственный надежный критерий, позволяющий

выделить такой коллектив из общей массы имен собственных, – конкретное указание на количество людей. Но такие примеры сравнительно немногочисленны. То, что имена собственные могут быть одновременно топонимами и именами людей, еще не доказывает, что перед нами именно этноним. А определенный процент таких совпадений является нормальным, и присутствует во многих языках и культурах. Шанские «эмблемы» на бронзе не обязательно являются названиями родственных групп, и их совпадение с именами собственными в надписях на гадательных костях подчиняется неизвестным закономерностям.

Во второй главе диссертации, **«Хоу и бо: ономастическое исследование»** исследуются структура и состав имен *хоу* и *бо*, которые могут состоять из титула, названия удела и личного имени.

Параграф 2.1 **«Хоу и бо: список персоналий»** описывает трудности, связанные с выделением из общего массива данных информации о конкретном *хоу* и *бо*. Поскольку многие надписи повреждены или содержат не вполне ясные иероглифы и конструкции, не всегда можно сказать, является ли слово, расположенное рядом с титулом, именем собственным, и связано ли оно с *хоу* или *бо*. Поэтому исчерпывающий список персоналий составить невозможно, и необходимо отделять надежные примеры от сомнительных. Достаточно надежные примеры иньских *хоу* вынесены в приложение 1, сомнительные и ошибочные – в приложение 2. Поскольку информация о *бо* еще более скудна и не надежна, принято решение ономастический анализ имен собственных, связанных с этим титулом, пока что не проводить.

В параграфе 2.2 **«Структура имен хоу и бо»** описываются гипотезы о структуре составных имен с титулами *хоу* и *бо*. Часть имен собственных располагается перед титулом, часть – после, иногда титул обрамляют два имени. Чем они являются – вопрос дискуссионный. Я прихожу к выводу о том, что имена *хоу* и *бо*, скорее всего, обладают твердой структурой: перед титулом располагается название территории под контролем *хоу* и *бо*, после – его имя. Версию о том, что

топоним может располагаться после титула, следует признать несостоятельной. Полное имя состоит из трех элементов, но имя или название территории может опускаться (скорее всего, произвольно).

В параграфе 2.3 «Имена *хоу* и названия *хоуств*: попытка контекстного анализа» я привожу данные об употреблении связанных с титулом *хоу* имен собственных в роли отдельных топонимов и имен людей. Получается, что среди имен 14 собственных, расположенных перед титулом *хоу*, семь могут быть топонимами, два – и топонимами, и именами людей, ноль – только именами людей. Среди 16 имен собственных, расположенных после титула *хоу*, 10 могут быть именами людей, два – и топонимами, и именами людей, ноль – только топонимами. Это подтверждает тезис о том, что структура имен *хоу* является строгой. Перед титулом стоит название территории под управлением *хоу*, после – его имя.

Третья глава диссертации, «***Хоу и бо: взаимоотношения с ваном***», посвящена анализу контекстов, в которых *хоу* и *бо* упоминаются в царских гадательных надписях.

В параграфе 3.1, «Основные принципы и результаты контекстного анализа», я рассматриваю принципы отбора данных для контекстного анализа и распределения надписей по категориям. Основные категории – это надписи о приказах, союзах, обмене ресурсами, и надписи, по которым можно зафиксировать конфликт между ваном и каким-либо *хоу* или *бо*. Остальные надписи выделяются в категорию «прочее», надписи непонятного содержания не учитываются при анализе. Подсчет количественных показателей нельзя вести по общему числу надписей, поскольку репрезентация исторических событий в гадательных надписях неравномерна: одному и тому же событию могло быть посвящено разное количество гаданий, от одного до десятков. Полностью исключить погрешность невозможно, но необходимо хотя бы объединять надписи, в которых наверняка упомянуто одно событие, в «серию», удельный вес которой при подсчете будет равен одной надписи, вне зависимости от того, сколько текстов

в нее входит. Результаты анализа таковы: среди надписей о *хоу* 35% посвящено союзам, 24% – приказам царя, 15% – обмену ресурсами с царем, 4% – конфликтам с царем, прочее – 22%. Среди надписей о *бо* 20% посвящено союзам, 18% – приказам царя, 5% – обмену ресурсами с царем, 41% – конфликтам с царем, прочее – 16%.

В параграфе 3.2, «Надписи о приказаниях, союзах и враждебных действиях» я разбираю, какие надписи и почему можно отнести к этой категории, а также прихожу к выводу о том, что как *хоу*, так и *бо* могли находиться в союзных и зависимых отношениях с царем или враждовать с ним. Это свидетельствует как о существовании иерархических отношений, так и о том, что полномочия и возможности *хоу* и *бо* были весьма велики. Но *хоу* гораздо реже враждовали с царем, и чаще выступали его союзниками и подчиненными – это свидетельствует о более высокой степени их зависимости от шанского вана.

В параграфе 3.3, «Надписи о пленении *хоу* и *бо*» я анализирую группу надписей, в которых *хоу* и *бо* выступают в роли объектов глагола *цуй* 取 (брать), и прихожу к выводу о том, что несмотря на стойкие коннотации термина «брат» с надписями об изъятии дани, тексты о «взятии» *хоу* и *бо* говорят совершенно о другом: скорее всего, речь о пленении *хоу* и *бо*.

В параграфе 3.4, «Обмен ресурсами» я рассматриваю надписи, в которых ван принимает от *хоу* и *бо* подношения и распоряжается ими. *Хоу* гораздо чаще выступают дарителями, нежели *бо*, но вряд ли это можно считать свидетельством усиленной экономической эксплуатации. Дело в том, что ван не только принимал подношения от своих подчиненных, но и одаривал их, то есть обмен был двусторонним. То, что дарения вана меньше отражены в источниках, объясняется качеством источников, а не слабой интенсивностью одаривания: гадать о дарении со стороны вана не было нужды, поэтому по гадательным надписям (а они – наш основной источник) невозможно проследить интенсивность различных направлений обмена. Пока что можно утверждать лишь то, что *хоу* интенсивнее участвовали в обмене с царем.

В параграфе 3.5, «Контроль над землями *хоу*» приводятся надписи об инспекциях земель *хоу* со стороны царских чиновников, а также сведения о том, что некоторые царские чиновники могли нести службу на землях *хоу*. Поскольку для *бо* аналогичные сведения не зафиксированы, можно заключить, что контроль над *хоу* со стороны вана был сильнее. Но все же масштабы этого явления определить пока невозможно, поскольку в нашем распоряжении имеются лишь очень отрывочные данные.

В параграфе 3.6, «Встречи с *хоу* и *бо*», сопоставляются данные о церемониях встречи царя с двумя категориями правителей. Во-первых, несмотря на то, что взаимодействие вана с *хоу* было наверняка более интенсивным, гаданий о встречах с *бо* больше. Видимо, свидание с *хоу* было рядовым событием, не требующим гадания. Во-вторых, царь, видимо, приветствовал *бо* поклоном, чего не наблюдается в надписях о встречах с *хоу*. Вероятно, это свидетельствует о том, что статус *бо* был выше.

Глава 4, «*Хоу и бо: источники власти*», посвящена вопросу о том, на чем основывались полномочия *хоу* и *бо*, и к какой категории элит их можно отнести.

В параграфе 4.1, «*Бо и политики на окраинах Шан*» я рассматриваю вопрос о связи титула *бо* с политическими или потестарными образованиями на периферии государства Шан, которые часто обозначаются в гадательных надписях термином *фан* 方 (страна). Поскольку некоторые *бо* названы в надписях *фан-бо*, можно сделать вывод о том, что *бо* – это термин, обозначающий правителя политики, не являющейся частью государства Шан. Но, на мой взгляд, лишено оснований разделение *бо* на две категории, а именно: зависимые от вана и встроившиеся в политическую систему Шан правители с титулом *бо*, и независимые *фан-бо*. Дело в том, что использование терминов *фан-бо* и *бо* не регулярно. В отличие от титула *хоу*, употребление которого стабильно, один и тот же правитель-*бо* мог как называться *бо*, так и называться просто по имени без упоминания «титула». Известно также, что правитель страны-*фан* мог называться *бо* (а не *фан-бо*), а один и тот же человек мог зваться как *бо*, так и *фан-бо*. Это говорит о том, что

термин *бо* не был собственно «титолом» во властной иерархии Шан: так шанцы называли правителей периферийных территорий вне зависимости от их взаимоотношений с ваном, которые могли быть как дружественными и союзническими, так и враждебными.

В параграфе 4.2, «Наделение землей *хоу* Шан», я рассматриваю надписи о том, как некто по имени Шан получает титул *хоу* в некоей местности, название которой я обозначаю условной транскрипцией Гань* (истинное чтение неизвестно). Альтернативное гадание «поставить Шана в Гань*» и «поставить Шана в Жу* (транскрипция условна)» говорит о том, что Гань*-*хоу* Шан изначально не был вождем Гань*, который в определенный момент признал над собой власть вана, но получил право управлять этой территорией из рук царя. Судя по упоминанию топонима Гань* в источниках, ранние надписи свидетельствуют о хозяйственной активности шанцев в Гань*, но не упоминают Гань*-*хоу*, и наоборот – в период активности Гань*-*хоу* сведения о хозяйственной деятельности в Гань* сходят на нет. Это может свидетельствовать в пользу того, что после назначения Гань*-*хоу* эта земля перестала быть частью царского домена, но, к сожалению, из-за отсутствия возможности точного датирования надписей, этот тезис нельзя считать вполне доказанным.

В параграфе 4.3, «Вопрос о правах *хоу* на землю» рассматриваются надписи, по которым можно проследить отношение *хоу* к управляемой территории. Во-первых, шанцы не вполне различали территорию под управлением *хоу* и самого *хоу*, то есть, говоря о какой-либо территории, могли вместо этого упоминать конкретного *хоу*, например: «Пройти через Чуй*-*хоу* вплоть до Цян*-*хоу*» (транскрипции условны). Речь в указанной надписи идет об инспекции амбаров, и будь *хоу* военной должностью с ограниченными полномочиями, объяснить ее упоминание в этом контексте проблематично. Во-вторых, к названиям некоторых должностей в административном аппарате Шан топонимы «прикрепляются» при помощи предлога *цзай* 在 (в), например: «в X *цюань* Y», то есть: чиновник-*цюань* по имени Y, несущий службу в X. Отношение *хоу* к территории под его

управлением никогда не обозначается подобным образом. Это же свойственно и *бо* – правителям автономных территорий на периферии Шан. Поэтому можно утверждать, что земля под контролем *хоу* мыслилась принадлежащей ему, несмотря на контроль со стороны царя.

В параграфе 4.4, «О шанской системе земельных пожалований», ставится вопрос, можно ли рассматривать «назначение» *хоу* в русле земельного пожалования. Вряд ли можно говорить о передаче царем прав собственности или владения в строгом смысле этого слова; скорее, назначение *хоу* можно считать делегированием власти, но делегированием более широким, нежели в случае рядового «чиновника». Судя по всему, *хоу* обладали достаточно высокой степенью контроля, чтобы считаться правителями этой территории, и в этом смысле можно действительно говорить о земельном держании и земельном пожаловании.

В параграфе 4.5, «О родственных группах в социальной структуре государства Шан» поднимается вопрос о социально-политической организации Шан, о роли в них структур, основанных на принципе родства, и о возможной связи с ними *хоу* и *бо*. Поскольку этнонимы в иньских надписях выделяются с трудом, а трактовка «эмблем» на иньских изделиях из бронзы не однозначна, то, пожалуй, единственным аргументом в пользу существования в Шан крупных потестарно организованных родственных групп, охватывавших не только элиту, но и широкие слои населения, является участие в боевых действиях различных *цзу* 族 – термин, который можно связать с родственной организацией: линидж, клан, ветвь клана и пр. Но шанские *цзу* не демонстрируют связи с родственными отношениями. Члены *цзу* не упоминаются в надписях о ритуальных действиях (хотя именно жертвоприношения – основной фокус гадательных надписей), чего можно было бы ожидать от группы с единым культом предков. А имена собственные, которые, теоретически, могут обозначать потестарные объединения, не сочетаются с термином *цзу*. Дословно он переводится как «сборище», и коннотацию с родственной организацией приобретает, видимо, позднее, в составе таких сочетаний, как например *цзун цзу* 宗族, то есть «сборище храма предков»

(вероятно, линидж, или близкое по свойствам объединение), которые не зафиксированы в шанских текстах. В рассматриваемое время *цзу* – это военные отряды.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы, наиболее значимыми из которых являются следующие:

Титулы *хоу* и *бо* относятся к двум группам элит периода Шан, каждой из которых свойственно наличие подвластной территории и армии, общие традиции титулования, а также высокая степень самостоятельности (имеются сведения о конфликтах шанских ванов с *хоу* и *бо*). Таким образом, их можно назвать правителями автономных политических образований, которые входили в сферу влияния государства Шан.

Несмотря на внешнее сходство, два термина можно связать с принципиально различными источниками власти. *Хоу* (или их часть) получали право управления территорией от царя, а термином *бо* шанцы называли правителей независимых, либо подчинившихся царям Шан (но независимых в прошлом) политических образований. Не вполне ясно, насколько четким было это различие, но речь об устойчивой тенденции. Во-первых, неизвестны случаи, когда один и тот же правитель (или правитель одной и той же территории) был бы известен сразу под обоими титулами: шанцы их никогда не смешивали. Во-вторых, «титул» *бо* (в отличие от *хоу*) мог достаточно свободно опускаться в имени человека; это может быть связано с тем, что термин *бо* являлся не собственно «титулом» во властной организации государства Шан, но лишь абстрактным обозначением правителя какой-либо территории. В-третьих, имеется множество данных о конфликтах царя с *бо*, в то время как *хоу*, наоборот, лидируют по числу надписей о получении царских приказов. И, наконец, в гадательных надписях есть отдельные сведения об инспекциях *хоу*, и о наличии царских чиновников в их уделах, что говорит об ограниченности суверенитета *хоу* (или некоторых из них). Интересно, что надписи фиксируют несколько встреч царя с *бо*, во время которых ван, судя по всему, отвечивал приветственный поклон;

аналогичных надписей о приветствии поклоном *хоу* неизвестно, это может быть связано с более низким статусом *хоу*.

В то же время факты противостояния царя Шан и некоторых *хоу* говорят об их широких возможностях по управлению своим уделом и об их военной мощи. Зависимость *хоу* и *бо* нельзя определить однозначно, скорее речь идет о спектре, в рамках которого положение конкретного *хоу* и *бо*, гипотетически, могло варьироваться от совершенно автономного, независимого правителя до послушной марионетки руках царя. Но тенденция такова, что контакты царя с *хоу* были более интенсивны, а их земли были сильнее интегрированы в государство Шан, и находились под более пристальным контролем царской власти.

Цари Шан могли делегировать властные полномочия значительному числу своих подчиненных. В некоторых случаях объем делегированной власти был столь велик, что подчиненный царя мог считаться правителем какой-либо территории. Известно, в частности, что некоторые *хоу* назначались царем, но при этом шанцы не считали их простыми «чиновниками» на царской земле: по ряду признаков (особенности титулатуры, контексты встречаемости в надписях и т.д.) видно, что положение *хоу* было ближе, скорее, правителям-*бо*, нежели большинству служащих царского административного аппарата. Источники не детализируют статус *хоу* и их отношение к занимаемой территории, но, на мой взгляд, термины «земельное пожалование», «земельное держание» (или «владение»), а также «владетельный князь» (*чжухоу*) или «удельный правитель» достаточно адекватно описывают рассматриваемое явление.

Но факт существования в XIII—XI вв. до н.э. земельных пожалований мало говорит о масштабах и распространенности этой практики. И нехватку источников для решения этого вопроса вряд ли можно компенсировать проведя параллель с земельными пожалованиями периода Западного Чжоу (XI—VIII вв. до н.э.). Действительно, чжоуская система пожалований наверняка является либо прямым заимствованием шанской политической традиции, либо же две системы развивались параллельно из какого-либо третьего источника. Но нельзя упускать

из виду тот факт, что чжоуское завоевание могло сыграть ключевую роль в этом процессе. В результате резкой и масштабной экспансии середины – 2-й половины XI в. до н.э. территория под властью Чжоу за короткий промежуток времени увеличилась многократно, что явно превышало возможности слаборазвитого управленческого аппарата, и в таких условиях широкое делегирование власти родственникам и союзникам могло восприниматься как «меньшее из зол». Серия надписей на гадательных костях о пожаловании территории Гань* для хоу по имени Шан (приблизительно нач. XII в. до н.э.) демонстрируют, что земельные пожалования не были чжоуской новацией, но они могли значительно развить и усовершенствовать эту практику.

Многие вопросы, касающиеся статуса хоу и бо (а также социально-политического устройства Шан в целом), остаются нерешенными, и не исключено, что без кардинального расширения источниковой базы изменить эту ситуацию не удастся. Тем не менее, можно обозначить несколько перспективных направлений, исследовать которые с привлечением лишь доступных в данный момент источников представляется возможным. Во-первых, сохраняется неопределенность при выделении из общего массива имен собственных названий этнических коллективов и родственных групп. Качественная характеристика таких групп и определение их роли в государстве Шан также представляют проблему. Для ее решения (если это в принципе возможно) требуется сводное статистическое исследование имен собственных в шанских эпиграфических памятниках; задача, требующая огромных усилий. Шагом к ее осуществлению является, во-первых, уточнение структуры составных имен, а во-вторых – признание того факта, что в некоторых контекстах (например, в надписях о боевых действиях) могут на равных встречаться имена людей и топонимы. Скорее всего, строгая композиция (топоним – перед показателем статуса, имя – после него) характерна не только для имен хоу и бо.

Еще одним перспективным направлением исследований является сопоставление хоу и бо с другими категориями шанских элит (например, *цзы*).

Главное при этом – проводить сопоставление на основе максимально полной выборки данных (общая ограниченность источниковой базы это позволяет) и с применением единых критериев оценки. Необходимо отметить, что принципы сопоставительного анализа, примененные на страницах настоящей диссертации, являются экспериментальными, и я уверен, что их можно значительно усовершенствовать.

Наконец, необходимо глубже исследовать эполюцию властных отношений и институтов в конце II – начале I тыс. до н.э., в том числе изменение положения различных категорий элит в указанный период. Но для этого необходима кооперация усилий множества специалистов по истории как Шан, так и Чжоу, а также привлечение нескольких категорий источников: помимо надписей на гадательных костях это, в первую очередь, надписи на бронзе и данные древнекитайской исторической традиции.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Научные статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история

1. Сафин, Т.А. Данные эпиграфики о существовании в государстве Шан-Инь удельной системы / Т.А. Сафин // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2018. – № 3. – С. 88–100. (0,8 а.л.).
2. Сафин, Т.А. Об экономической эксплуатации хоу и бо царями государства Шан-Инь / Т.А. Сафин // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 2. – С. 153–159. (0,3 а.л.).
3. Сафин, Т.А. Хоу Бао в надписях на гадательных костях и значение титула хоу в поздний период Шан (XIII-XI вв. до н.э.) / Т.А. Сафин // Вестник древней истории. – 2018. – № 2. – С. 215–233. (1,4 а.л.).
4. Сафин, Т.А. Элиты эпохи Шан в эпиграфических памятниках XIII—XI вв. до н.э.: титул хоу по данным ономастики / Т.А. Сафин // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 6–30. (2,3 а.л.).